

Таллинское надгробие Понтуса Деллагарди: ТЕКСТ И ТЕКСТЫ

Д. В. Вальков^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

valkovdv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из наиболее значимых позднеренессансных и раннебарочных надгробных памятников в Шведской Эстляндии – надгробие Понтуса Деллагарди. В центре внимания находится размещенный на саркофаге Деллагарди эпитафийный текст. Лексико-синтаксические аллюзии позволяют говорить о нем как о ренессансной антологии ряда античных текстов (состав антологии определяется авторским замыслом). В дальнейшем эпитафийный текст Понтуса Деллагарди становится предметом антологизации, значимым в контексте историографической актуализации в Швеции середины – второй половины XVII века идеи Шведской империи и роли семейства Деллагарди в ее становлении и укреплении (сочинения К. Аррениуса, Ю. Видекинда).

Ключевые слова: Таллин, Понтус Деллагарди, эпиграфика, эпитафия, Ренессанс, барокко

Для цитирования: Вальков Д. В. Таллинское надгробие Понтуса Деллагарди: текст и тексты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 151–157. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_151

Original article

Tallinn Tombstone of Pontus Delagardi: Text and Texts

Dmitri V. Valkov^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Moscow City University, Moscow, Russia

valkovdv@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the most significant Late Renaissance and Early Baroque tombstones in Swedish Estland – the tombstone of Pontus Delagardi. The article focuses on the epitaph text placed on the sarcophagus of Delagardi. Lexical and syntactic allusions introduced into it by the author allow us to speak of it as a Renaissance anthology of a number of mainly ancient texts, whose composition is determined by the author's intention. The epitaph text of Pontus Delagardi, in turn, becomes the subject of anthologizing, significant in the context of the historiographical actualization in Sweden of the mid-second half of the 17th century of the idea of the Swedish Empire and the role of the Delagardi family in its formation and strengthening (historiographical works of C.L. Arrhenius, J. Widekindi).

Keywords: Tallinn, Pontus Delagardi, epigraphy, epitaph, Renaissance, Baroque

For citation: Valkov, D. V. (2023). Tallinn Tombstone of Pontus Delagardi: Text and Texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 151–157. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_151

ВВЕДЕНИЕ

Род Делагарди занимает в истории Швеции, равно как и всей Циркумбалтики второй половины XVI–XVII веков, особое место. Военные кампании Понтуса Делагарди на завершающем этапе Ливонской войны (1580–1582) в северо-западном пограничье Московского царства до Тязвинского мира 1595 года определили территориально-политическую конфигурацию севера Восточной Европы. С разной степенью полноты они упомянуты в шведской и ливонской историографии: в частности, в сочинениях Бальтазара Руссова, Саломона Хеннинга, Юхана Мессения [Russowen, 1853; Henning, 1853; Messenii, 1702; Arrhenius, 1690; Loccenii, s. d.]¹.

Характерной чертой исследований в области скандинавской эпиграфики является их неоднородность, обусловленная составом локального материала. Наиболее ранняя его часть оказывается предметом внимания эпиграфистов-рунологов и специалистов в области скандинаво-германской компаративистики и археологии. Если формирующийся в Швеции и Дании с рубежа XII–XIII веков латиноязычный латинографический материал имеет своего исследователя, то ренессансный и барочный массив памятников, оформляющийся в Швеции с последней трети XVI века, в контексте юхановского Возрождения, во многом находится в тени работ, посвященных развивающейся новолатинской литературе. В качестве обобщающего исследования шведской неолатинской литературы эпохи великодержавия необходимо указать работу Х. Хеландера [Helander, 2004]. De facto преимущественно анонимные и в большинстве своем не столь пространственные скандинавские эпиграфические тексты (по большей части эпитафийные) последней трети XVI–XVII веков находятся на периферии исследовательского пространства литературоведов и текстологов-неолатинистов. В то же время эпиграфические памятники последней трети XVI–XVII веков второстепенны для эпиграфистов, специализирующихся на средневековом руническом и латиноязычном латинографическом материале. Отмеченные обстоятельства, обуславливая актуальность данной статьи, определяют необходимость анализа скандинавских, прежде всего шведских и датских, эпиграфических памятников XVI–XVII веков как выразителей наравне с литературными произведениями интереса к опыту европейского

ренессанса и барокко, обновившего профиль скандинавской культуры в раннее Новое время.

Текст надгробия Понтуса Делагарди, как и ряд авторских античных и ренессансных текстов, требует выявления и распознавания введенных в него автором лексико-синтаксических аллюзий, служащих обозначением известного ему текстового материала, культурно-мифологических кодов, событийных контекстов. Возможность выявления и распознавания читателем упомянутых лексико-синтаксических аллюзий определяет не только текстовую, но и метатекстовую рецепцию авторской информации в рамках эйдетического чтения.

Цель статьи – анализ надгробия Понтуса Делагарди как антологии и предмета антологизации на стыке Позднего Ренессанса и барокко.

Задачи статьи – обозначение лексико-синтаксических аллюзий в тексте надгробия и стоящего за ними вторичного текстового пространства; анализ связей текстовой и изобразительной составляющих надгробия между собой, а равно с хронологически близкими и более поздними ливонскими и шведскими авторскими текстами; определение места надгробия в эпиграфической и политической практике шведской Прибалтики последней трети XVI века.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Надгробие Понтуса Делагарди и его супруги Софии Юлленхельм (Гюлленхельм; 1589–1595 гг.) в авторстве Арента Пассера размещено у южной стены апсиды таллинского Домского собора св. Девы Марии; состоит из саркофага и настенной композиции [Karling, 1948; Üprus, 1987; Mäeväli, 2004; Eesti kunsti ajalugu, 2005].

В рамках настоящего изложения особый интерес представляют надписи, расположенные на боковых, восточной и западной, панелях саркофага.

Западная панель саркофага

¹ HIC PONTVS IACET AEQVOREIS SVBMERSVS IN VNDIS
² O FATVM O MAGNIS NVMINA INIQVA VIRIS
³ MAVORS ALTER ERAT PLANEQ(ue) VIR ARDVVS ERGO
⁴ EST TALEM AC TANTVM MORS RAPERE AVSA VIRVM
⁵ EST ITA SED RAPVIT NON OMNEM NAMQ(ue) RELIQVIT
⁶ ET NATÆ ET GENERO FAMA(m?) ANIMAMQ(ue) DEO

Понтус здесь лежит, утонувший в волнах приморских;
 о рок, о несправедливая к великим мужам воля богов;
 Марсом вторым он был, поистине муж ярый;
 такого столь великого мужа похитить осмелилась смерть;
 да, так, но похитила не всего, ведь оставила и потомству,
 и королю (~и дочери, и королю; и дочери, и сыну;
 и потомству, и роду) славу, душу же – Богу.

¹Russowen, 1853, с. 146–148, 155, 156; Henning, 1853, с. 276–277; Messenii, 1702, с. 63; Arrhenius Oernhielm, 1690; Loccenii, s. d., с. 408, 413, 416, 427, 484, 508, 512, 531, 545, 552, 609, 614, 631, 674, 693, 703, 710, 716, 735, 742, 746, 767, 770, 771–773, 788, 26 addenda.

Текст открывается «распознаванием» имени усопшего и констатацией его вовлеченности в причудливую игру планов бытия. ¹ HIC PONTVS IACET соотносится с автоэпитафией «Скорбных элегий» (*Ov. trist., III, 3, 73–76*). Hic ego qui iaceo tenerorum lusor amorum Ingenio perii Naso poeta meo At tibi qui transis ne sit grave quisquis amasti Dicere Nasonis molliter ossa cubent. Не эта же ли аллюзия к идеальной эпитафийной формуле важна и для самого автора таллинского эпитафического текста, включающего ее в метатекст моделируемой им собственной эпитафии? Изложение Овидия относится к побережью Понта; к морю отсылает имя Понтус, принадлежащее усопшему, погибшему у морского побережья. О поэтическом даре, жертвой которого становится поэт, пишет Овидий; к гибели через дар отсылают обстоятельства смерти Понтуса, ставшего жертвой собственного полководческого дарования. Автоэпитафия Овидия завершается пожеланием упокоения в прахе земли; причудлива игра судьбы таллинского усопшего, избравшей первоначальным местом упокоения его останков водную стихию, в виду покоренной земли. Прилагательное *aequoreus* (¹ AEQVOREIS... IN VNDIS) отсылает к другому овидиевскому тексту – «Метаморфозам» и в его рамках – к цезарианской теме (*Ov. met., XV, 745–842*): scilicet aequoreos plus est domuisse Britannos (*Ov. met., XV, 752*). Существительное *fama* [⁶ ET NATÆ ET GENERO FAMA(m³)] отсылает к овидиевской (*Ov. met., XV, 748*: resque domi gestae properataque gloria rerum) и во многом порождающей ее цезарианской теме вергилиевской «Энеиды» (*Verg. En., I, 227–296*): Nascetur pulchra Troianus origine Caesar, imperium oceano, famam qui terminet astris, – Iulius, a magno demissum nomen Iulo (*Verg. En., I, 286–288*). Для овидиевского изложения значимы не только свершения войны и дела гражданские Цезаря, славен он и в соравном себе потомстве: praecipuum non bella magis finita triumphis resque domi gestae properataque gloria rerum in sidus vertere novum stellamque comantem, quam sua progenies; neque enim de Caesaris actis ullum maius opus, quam quod pater exstitit huius (*Ov. met., XV, 747–751*); Понтус похищен не весь [⁵...SED RAPVIT NON OMNEM NAMQ(ue) RELIQVIT ⁶ ET NATÆ ET GENERO FAMA(m³)]. Рок, несправедливая к великим мужам воля богов позволили смерти похитить столь великого мужа [² O FATVM O MAGNIS NVMINA INIQVA VIRIS ³ MAVORS ALTER ERAT PLANEQ(ue) VIR ARDVVS ERGO ⁴ EST TALEM AC TANTVM MORS RAPERE AVSA VIRVM]; «не могут Боги железных разбить приговоров сестер вековечных» (qui rumpere quamquam ferrea non possunt veterum decreta sororum) (*Ov. met., XV, 780–781*).

Восточная панель саркофага

¹ HIC MAGNVN VIRTUTE VIRVM PARVA INTEGIT VRNA
² QVI BELLI ARTE FVIT CLARVS ET ARTE TOGE
³ PONTVS ERAT PONTO DEDVXIT NOMINIS VSM
⁴ MERGITVR HEV PARVIS CORPORA PONTVS AQVIS
⁵ SED BREVE CVRRICVLV(m) VITÆ BONA FAMA REPE(n)DIT
⁶ ET MORS HÆC VITÆ NIL NISI CAVSSA NOVÆ EST

Здесь великого доблестью мужа малая урна вмещает, кто был искусством войны и дел гражданских преславен; Понтусом он был, от морской бездны вынес он обыкновение имени, увы, тело же свое сокрыл Понтус в неглубоких водах; добрая слава явилась краткого жизни пути возмещением, и эта смерть – ничто иное как причина жизни новой.

От западной панели саркофага к восточной «распознавание» имени усопшего продолжается в третьей и четвертой строках: ³ PONTVS ERAT PONTO DEDVXIT NOMINIS VSM ⁴ MERGITVR HEV PARVIS CORPORA PONTVS AQVIS – так, читатель приглашается к окончательному постижению смысла имени Понтус, но, более того, – к размышлению о парадоксальности земной судьбы смертного, сделавшей победу залогом гибели. Вторая строка ² QVI BELLI ARTE FVIT CLARVS ET ARTE TOGE продолжает аллюзию к цезарианской теме «Метаморфоз»: Понтус был Марсом и той преславен; в овидиевском тексте quem Marte togaque praecipuum non bella magis finita triumphis (*Ov. met., XV, 746–747*). Изложение Овидия повествует о посмертном воздаянии погибшему Цезарю: tempora, perfectis, quos terrae debuit, annis. ut deus accedat caelo templisque colatur; hanc animam interea caeso de corpore raptam fac iubar, ut semper Capitolia nostra forumque divus ab excelsa prospectet Iulius aede! (*Ov. met., XV, 817–818, 840–842*); добрая слава явилась краткого жизни пути возмещением, и эта смерть для погибшего Делгарди – ничто иное как причина жизни новой [⁵ SED BREVE CVRRICVLV(m) VITÆ BONA FAMA REPE(n)DIT ⁶ ET MORS HÆC VITÆ NIL NISI CAVSSA NOVÆ EST]. Местом нахождения останков Делгарди таллинский эпитафийный текст указывает малую урну, вмещающую великого доблестью мужа (¹ HIC MAGNVN VIRTUTE VIRVM PARVA INTEGIT VRNA). Введение в таллинский текст существительного VRNA обусловлено, как представляется, не только стремлением его автора передать трагическую всеобщность неумолимого поглощения великого малым. Оно обусловлено усмотрением встроить в эпитафийный текст (и формируемую им антологию античных текстов, составляющих таким образом вторичное текстовое пространство) упоминание челна как орудия всеобщего невозвратного перемещения в царство мертвых, удостоверяющее обстоятельства смерти

Делагарди, для которого челн буквально становится орудием смертельного изгнания: *omnes eodem cogimur, omnium versatur urna serius ocios sors exitura et nos in aeternum exilium impositura cumbae* (*Horat. carm., II, 3, 25–28*).

БАРЕЛЬЕФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОСАДЫ НАРВЫ 1581 ГОДА

Между западной и восточной панелями саркофага помещен барельеф, на северной панели, изображающий успешную осаду Нарвы шведскими войсками в сентябре 1581 года. Панорама покоряющегося города представляет значимую часть эпитафийного текста, являясь его невербальной, изобразительной составляющей. При осаде Нарвы, согласно Бальтазару Руссову: «Понтус Делагарди разрешил идти на приступ не только ландскнехтам, но и гофлейтам, матросам и всем, кто только пожелает, и если с Божьею помощью они приступом возьмут город, то в продолжении 24 часов в их распоряжении будет всё добро, находящееся в Нарве, и всем, что в это время каждый сможет или захочет добыть, тем может воспользоваться. Тогда скоро все снарядились и стали собираться на приступ, будто на пляску»¹ (...jederman balde berehdt gewesen, unde sick mit groten fröwden tho dem Storme gerüstet, nicht anders else tho dem Dantze) [Russowen, 1853, с. 146–147; Messenii, 1702, с. 63; Loccenii, s.d., с. 419–429]. Уподобление Руссовым штурма города пляске представляется едва ли случайным и служит аллюзией к текстиконографическому массиву, известному в позднесредневековом и ренессансном искусстве Европы как «пляска смерти», знакомому и Руссову, и Аренту Пассеру, и автору таллинского эпитафийного текста (прежде всего по фламандско-голландским, верхне- и нижненемецким репликам). Обстоятельства смерти Делагарди также весьма динамичны. Герой эпитафийного текста гибнет на подступе ко взятому им городу, – успех становится залогом поражения [Arrhenius Oernhielm, 1690, с. 212–213] (ср. в овидиевском цезарианском цикле упоминание об объятном знаменем смерти городе как предвестнике гибели Цезаря, *Ov. met., XV, 796–798*).

АВТОРСТВО ЭПИТАФИЙНОГО ТЕКСТА ДЕЛАГАРДИ

Об авторстве эпитафийного текста Понтуса Делагарди необходимо говорить исходя из двух

¹Перевод по: [Сборник материалов, 1880, с. 326].

обстоятельств. Во-первых, из едва ли не абсолютного совпадения начала строки 1 и строк 4–6 текста на западной панели таллинского саркофага с литературной эпитафией Авдия Претория (1524–1573) в авторстве Иоганна Майора (1533–1600), опубликованной в Виттенберге в 1576 году и составленной между 1573 и 1576 годами (*Dedicatio Epitaphii Viri Clarissimi, Domini Abdiae Praetorii, Oratoris et Legati...*): соответственно ₁ HIC PONTVS IACET... ₄ EST TALEM AC TANTVM MORS RAPERE AVSA VIRVM ₅ EST ITA SED RAPVIT NON OMNEM NAMQ(ue) RELIQVIT ₆ ET NATÆ ET GENERO FAMA(m?) ANIMAMQ(ue) DEO и *Abdias iacet hic... Ergò Est talem ac tantum Mors rapere ausa virum? Est ita: sed rapuit non omnem: nan(que) reliquit Et nato et natae famam, animam(que) Deo* [Maioris, 1576, с. 176]. Во-вторых, из связи эпитафийных текстов в шведской литературной и эпиграфической практике эпохи Юхановского Возрождения последней трети XVI века с деятельностью сравнительно немногочисленного круга гуманистов на службе королевской канцелярии: Ёрана Перссона (около 1530–1568), приближенного Густава Вазы, секретаря и прокуратора Эрика XIV; Расмуса Людвигссона (ум. в 1594), антиквара, историка и генеалога, секретаря Густава Вазы, Эрика XIV, Юхана III; Венцеслова Герольдта (известен по документам 1560-х годов), секретаря Эрика XIV, Юхана III. Таким образом, учитывая первое обстоятельство, вероятным автором таллинского эпитафийного текста может выступать Иоганн Майор, из числа гуманистических поэтов и эрудитов виттенбергского круга Филиппа Меланхтона (включающий аллюзию к овидиевской автоэпитафии не только в таллинский текст, но и, через него, в собственную идеальную эпитафию). Однако, принимая во внимание происхождение супруги Понтуса Делагарди, Софии Юлленхельм (Гюлленхельм), внебрачной дочери короля Юхана III, нет также оснований, препятствующих видеть автором таллинского текста Расмуса Людвигссона. С сочинением Майора, как источником рецепции, Людвигссон мог быть знаком непосредственно из круга собственного чтения; медиация сочинений германских гуманистов меланхтоновского круга при шведском дворе могла быть инициирована еще Ёраном Перссоном. Определяющее влияние композиционно-декоративного решения уппсальского надгробия Густава Вазы на композицию и декор надгробия Делагарди является косвенным аргументом в пользу идентификации Людвигссона в качестве вероятного автора, а также овидиевского цезарианского цикла – в качестве основного предмета аллюзии таллинского эпитафийного текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый анализ позволяет рассматривать эпитафийный текст Понтуса Делагарди в качестве антологии, формирующейся на стыке Позднего Ренессанса и барокко и являющейся результатом аппликации принципов построения европейского ренессансного текста в целом и ренессансной эпитафии как его реплики. Предметом антологизации в рамках таллинского текста выступают «Скорбные элегии» (автоэпитафия) и «Метаморфозы» (цезарианский цикл) Овидия, «Энеида» (цезарианская тема) Вергилия, «аблятив» и «инструменталис» «смертельного изгнания» «Од» Горация. В качестве особого предмета антологизации необходимо указать текстово-иконографический массив «пляска смерти». Отмеченные произведения формируют вторичное текстовое пространство, к которому отсылают лексико-синтаксические аллюзии таллинского памятника. В качестве идеальных формул, предоставляемых включенными в таллинскую антологию произведениями, организующих эпитафийный текст Делагарди, необходимо отметить: *hic ego qui iaceo; nascetur pulchra origine; famam qui terminet astris; sua progenies; marte togaque praecipuus; accedat caelo; ab excelsa aede.*

В рамках новолатинской литературы XVII века таллинский эпитафийный текст Делагарди сам становится предметом антологизации. Так, в завершении «Жизнеописания Понтуса Делагарди» Клавдий Аррений приводит две эпитафии, связанные с таллинским надгробием. Первая (А.) 'Pontus eram terris dum vixi, (et) fortis in armis' – «сочинение весьма изящного поэта, пожелавшего разместить сложение на надгробии» (*tumulo inscribi sequens carmen voluit Poëta non inelegans*). Вторая (Б.) 'Ille togaque sagoque Ingens Delagardius Heros' – сочиненный самим Аррением текст, по утверждению автора, «качества низшего, в сравнении с предшествующим, но не меньшей почтительности» (*cui nos alterum hoc, venae, non pietatis, deterioris, adjecimus*) [Arrhenius Oernhielm, 1690, с. 215].

Pontus eram terris dum vixi, (et) fortis in armis, Is sed me necuit, qui quoque Pontus erat. In Ponto Pontus sum suffocatus (et) undis. Scis tu quid prosit sic potuisse mori? Me coelum duplici recipit ratione per undam, Dum sum denatus, dumque renatus eâ. Credite mortales, in corde animisque Sveorum Donec erit Pontus, hic quoque Pontus erit.

– Понтус я был, покуда жил на земле и был силен в битвах, но тот меня погубил, кто также был Понтом. Морем в волнах было прервано дыхание того, кто Понтусом был. Знаешь ли ты, почему выгодно

так умереть? Меня небо на двойном основании принимает чрез волны, ими я умерщвлен, ими же возрожден. Поверьте, смертные, в сердце и душах Свеев покуда Понтус будет, пребудет и море наше.

Ille togaque sagoque Ingens Delagardius Heros, More Periclaeo, verborum fulmine Falsi Vertere vim gnarus, fallentem imitamine Veri; Oppositas acies, arcesque adamante revinctas, Ceu luteas, pariter convellere fulmine dextrae Doctus, seu Regum celsas inviseret arces Principis Orator Sveci, seu Martis alumnus Sarmaticas notâ truces feritate phalanges Sterneret auspicio Sveci, magnis celer ausis, Exiguâ, quam dat Revalia, clauditur urnâ. Mens adscripta polo. Nomen sibi vindicat orbis. Corpus (et) ossa virens niveo sub marmore cespes. Gallia natalem, dedit almos Gotthia honores. Aeternam Virtus famam. Livonia bustum.

– Тот Делагарди (здесь лежит), богам сопричастный, в делах войны и мира преславный, подобно Периклу, умеющий разящим ударом сокрушить силу слов лжеца, обманывающего – изображением истинного; умеющий войска неприятельские и твердыни оплотов подобно ничтожному в равной степени смести разящей десницей; царей ли высокие дворцы посещал государя шведского посланник, Марса ли питомец сарматские неистовые фаланги во главе шведов разбивал с известной жестокостью, скорый великими дерзаниями, скрывается малой урной, Ревелем данной. Душа отошла небу. Славное имя присваивает себе мир. Тело и кости – заплесневелое под белизной мрамора прибежище. Галлия дала место рождения, высокие почести – Готия. Вечную славу – доблесть. Могилу – Ливония.

Эпитафия, приписанная Аррением себе же, предстает лабораторией барочного автора, демонстрирующей как его пристальное наблюдение за распадом идентичности героя под воздействием различных бытийных контекстов, так и механику его обращения посредством аллюзии к многослойному вторичному текстовому пространству. Фрагмент в эпитафии Аррениа находит параллели в таллинском тексте. Ср.:

Mens adscripta polo. Nomen sibi vindicat orbis. Corpus (et) ossa virens niveo sub marmore cespes. Gallia natalem, dedit almos Gotthia honores. Aeternam Virtus famam. Livonia bustum

¹ HIC PONTVS IACET AEQVOREIS SVBMERSVS IN VNDIS...

⁵ EST ITA SED RAPVIT NON OMNEM NAMQ(ue) RELIQVIT

⁶ ET NATÆ ET GENERO FAMA(m?) ANIMAMQ(ue) DEO

¹ HIC MAGNVM VIRTUTE VIRVM PARVA INTEGIT VRNA...

³ PONTVS ERAT PONTO DEDVXIT NOMINIS VSM

⁴ MERGITVR HEV PARVIS CORPORA PONTVS AQVIS.

Параллели есть и в некоторых других позднеренессансных и барочных эпитафийных текстах. Например, – Авдия Претория в авторстве Иоганна Майора: *Abdias iacet hic, dederat cui Marchia cunas, Berlinum curas, Leucoris urbs requiem* (Авдий здесь лежит, кому Альтмарк колыбель, Берлин труды, Виттенберг упокоение даровал), а также риксрода Туре Нильссона Бильке [Linköpings domkyrka, 2001]:

¹DEBITA PARS TERRÆ CVBAT HIC
²PARS ALTERA CÆLO VIVIT
³VIRTVTIS FAMA PERENNIS ERIT
¹CORPVS HVMO TEGITVR
²PETIIT DIVINIOR ASTRA MENS
³CLARVM VASTO NOMEN IN ORBE MANET
 Должная земле часть лежит здесь, другая часть
 живет на небе, слава доблести пребудет вечной;
 тело укрывается землей, душа, что вдохнул Бог,
 направляется к звездам, славное имя пребывает
 повсеместно в мире.

Первая из приведенных Аррением эпитафий (в круг потенциальных авторов которой могут войти Петрус Лагерлёф, Ларс Форнелий, Иоганн Шеффер, Улоф Верелий, Эрик Линдшёльд, Улоф

Хермелин, Юхан Колумбус, существенно менее вероятно Юхан Видекинд, а равно и сам Клавдий Аррений) является едва ли не цитацией таллинского текста.

1) *Pontus eram terris dum vixi, (et) fortis in armis – ³MAVORS ALTER ERAT PLANEQ(ue) VIR ARDVVS ERGO; ²QVI BELLI ARTE FVIT CLARVS.*

2) *Is sed me necuit, qui quoque Pontus erat. In Ponto Pontus sum suffocatus (et) undis – ¹HIC PONTVS IACET AEQVOREIS SVBMERSVS IN VNDIS; ³PONTVS ERAT PONTO DEDVXIT NOMINIS VSVM ⁴MERGITVR HEV PARVIS CORPORA PONTVS AQVIS.*

3) *Dum sum denatus, dumque renatus eâ – ⁶ET MORS HÆC VITÆ NIL NISI CAVSSA NOVÆ EST.*

В изложении Аррения, чья литературная деятельность приходится на период окончательного оформления шведского великодержавия, приведенный эпитафийный текст значим в контексте актуализации автором идеи Шведской империи и роли Понтуса Делагарди, сопоставимой с ролью Цезаря, в ее формировании [Arrhenius Oernhielm, 1690, с. 216].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Russowen B. *Chronica der Provintz Lyfflandt // Scriptorum rerum livonicarum. Bd. II. Riga; Leipzig: Eduard Frantzen's Verlag, 1853. S. 1–194.*
2. Henning S. *Lifflendische Churlendische Chronica // Scriptorum rerum livonicarum. Bd. II. Riga; Leipzig: Eduard Frantzen's Verlag, 1853. S. 195–289.*
3. Messenii Johannis. *Scandia illustrata, seu Chronologia de rebus Sueciae... T. VII. Stockholmia: Typis Olavi Enaei, 1702.*
4. Arrhenius Oernhielm Cl. *Vita Illustrissimi Herois Ponti De La Gardie, Exercituum Sveciae Supremi Campi Ducis, Regnante Johanne III. Svecorum Rege Gloriosissimo: Cujus occasione totius fere Livoniae Historia exhibetur; Ex incorruptae veritatis monumentis ... concinnata. Lipsiae: Apud J. F. Gleditsch, 1690.*
5. Loccenii Johannis. *Historiae rerum svecicarum a primo rege Sveciae usque ad Caroli Gustavi R. S. obitum libri novem. Upsaliae: Henrici Curionis, s.d.*
6. Helander H. *Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620–1720. Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas. Uppsala: Universitas Upsaliensis, 2004.*
7. Karling S. *Baltikum och Sverige / Antikvariska studier III / Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, 65. Lund; Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1948.*
8. Üprus H. *Raidkivikunst Eestis XIII–XVII sajandini. Tallinn: Kunst, 1987.*
9. Mäeväli S. *Matustest ja hauatähistest Tallinna Toomkirikus. Tallinn: Morgan Studio, 2004.*
10. *Eesti kunsti ajalugu / Eesti Kunstiakadeemia. 2. osa: 1520–1770. Tallinn: Eesti Kunstiakadeemia, 2005.*
11. Maioris Iohan., ex valle S. Ioachimi. *D. Liber poematum, iam primum aeditus. Witebergae: Iohannes Schwertel excudebat, 1576.*
12. *Linköpings domkyrka. III: Inredning och inventarier / Av Å. Nisbeth och I. Estham med bidrag av R. A. Unnerbäck / Sveriges kyrkor, vol. 225. Borås: Centraltryckeriet, 2001.*
13. *Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига: Типография А. И. Липинского, 1880.*

REFERENCES

1. Russowen, B. (1853). *Chronica der Provintz Lyfflandt. Scriptorum rerum livonicarum. Bd. II.* Riga; Leipzig: Eduard Frantzen's Verlag, 1–194.
2. Henning, S. (1853). *Lifflandische Churlendische Chronica. Scriptorum rerum livonicarum. Bd. II.* Riga; Leipzig: Eduard Frantzen's Verlag, 195–289.
3. Messenii, Johannis. (1702). *Scondia illustrata, seu Chronologia de rebus Sueciae... T.VII.* Stockholmiae: Typis Olavi Enaei.
4. Arrhenius Oernhielm, Cl. (1690). *Vita Illustrissimi Herois Ponti De La Gardie, Exercituum Sueciae Supremi Campi Ducis, Regnante Johanne III. Svecorum Rege Gloriosissimo: Cujus occasione totius fere Livoniae Historia exhibetur; Ex incorruptae veritatis monumentis ... concinnata.* Lipsiae: Apud J. F. Gleditsch.
5. Loccenii, Johannis. (s. d.). *Historiae rerum svecicarum a primo rege Sueciae usque ad Caroli Gustavi R.S. obitum libri novem.* Upsaliae: Henrici Curionis.
6. Helander, H. (2004). *Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620–1720. Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas.* Uppsala: Universitas Upsaliensis.
7. Karling, S. (1948). *Baltikum och Sverige. Antikvariska studier III. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, 65.* Lund; Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.
8. Üprus, H. (1987). *Raidkivikunst Eestis XIII–XVII sajandini.* Tallinn: Kunst.
9. Mäeväli, S. (2004). *Matustest ja hauatähistest Tallinna Toomkirikus.* Tallinn: Morgan Stúdio.
10. *Eesti kunsti ajalugu.* (2005). *Eesti Kunstiakadeemia. 2. osa: 1520–1770.* Tallinn: Eesti Kunstiakadeemia.
11. Maioris, Iohan., ex valle S. Ioachimi. (1576). *D. Liber poematum, iam primum aeditus.* Witebergae: Iohannes Schwertel excudebat.
12. *Linköpings domkyrka.* (2001). *III: Inredning och inventarier.* Av Å. Nisbeth och I. Estham med bidrag av R. A. Unnerbäck. *Sveriges kyrkor, vol. 225.* Borås: Centraltryckeriet.
13. *Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltijskogo kraja (1880) = Collection of materials and articles on the history of the Baltic region. Vol. III.* Riga: Printing house of A. I. Lipinsky. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вальков Дмитрий Вадимович

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры второго иностранного языка Института им. Мориса Тореза
Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры романской филологии
Московского городского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valkov Dmitri Vadimovich

PhD (History), Assistant Professor
Assistant Professor at the Department of the Second Foreign Language
of the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University
Assistant Professor at the Department of Romance Philology, Moscow City University

Статья поступила в редакцию	28.11.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	23.12.2022	
принята к публикации	27.01.2023	